

ОТЗЫВ

члена диссертационного совета на диссертацию Золотухина Всеволода Валерьевича на тему: «Немецкоязычные учения XIX века о религиозном чувстве в контексте размежевания протестантской теологии и религиоведения», представленную на соискание ученой степени доктора теологии по научной специальности 5.11.2. Историческая теология (протестантизм)

Уважаемые коллеги, мне как специалисту по библеистике и иудаике данная работа попала в руки неслучайно. Возникновением библеистики мы в серьезной мере обязаны протестантской теологии, и некоторые из рассматриваемых диссертантом фигур вроде де Ветте или Вайссе знакомы нам как библеисты. Да и в целом, далеко не для всех рассматриваемых авторов апология религиозного чувства была как для Якоби основной сферой деятельности. Работа показалась мне интересной как раз тем, что у неочевидных авторов были выявлены неочевидные на первый взгляд идеи.

Диссертант начинал когда-то с изучения немецкого идеализма; это хорошо видно по списку его публикаций в 2012–16 годах. В немецком идеализме принято выделять три важнейших философско-теологических спора: спор о пантеизме (Якоби против спинозизма), спор об атеизме (просвещенцы и охранители против Форберга и Фихте) и спор о теизме (Якоби против Шеллинга). Первый и третий — в сущности, об одном, и с одним протагонистом. В дальнейшем тема противостояния религиозного чувства рационализму относительно затихает, претерпевая частичное снятие в позднем идеализме / спекулятивном теизме (жаль, что на русском языке мы почти ничего про него не знаем, а надо бы эту страницу немецкой культуры осваивать).

Диссертант зацепился за поляризацию сентиментализма и рационализма, наследующую более ранней поляризации эмпиризма и рационализма, и попытался посмотреть, как же обстоят дела со стратегиями апологии религиозного чувства. Интересно, что в обозначенный период в Германии такими апологиями занимались не только протестантские теологи, которым это положено по долгу службы, но и религиозные философи вроде Якоби, Бутервека и им подобных. Диссертант удачно указывает, что дисциплинарные различия в данном случае вторичны.

Методологически автор диссертации опирается на козеллековскую историю понятий. Считаю, что это — хороший выбор, метод здравый и в целом рабочий, хотя, как и всякий другой, нуждается в дополнении.

Считаю также очень важным содержание параграфа 1.1. Мы постоянно говорим в последнее время о «религиозном опыте», но понятие это употребляется как будто автоматически, некритически. Постсоветские воспитанники гуманитарных факультетов (вслед за западными коллегами?) трактуют религиозный опыт как какую-то объективную универсальную рамку для характеристики всего, что происходит с верующим. А ведь это понятие имеет историю, имеет совершенно конкретные корни в эпохе немецкого Просвещения. Вот такие вещи и нужно вытягивать из специализированных диссертаций в хрестоматии и словари по истории понятий. Диссертант смог прояснить корни современного употребления понятия «религиозный опыт», кратко показал контексты его употребления в начальный период избранного им хронологического отрезка.

То же важное уточнение следует сделать и в отношении понятия «чувство» (*Gefühl*). Мы потеряли ощущение историчности этого понятия, для многих из нас «религиозное чувство» будто было всегда и везде. Переживание — да, могло быть, но вопрос, — а как чистое переживание изучить? Что же касается терминов, то они вечно плавали. В параграфе 2.3. диссертант метко напоминает об этом в связи с попытками теолога-ричилианца Макса Райшле заняться реконструкцией внутреннего мира ветхозаветного пророка. Мне это было особо интересно.

Полагаю важным, что в параграфе 1.1. диссертант осуществил экскурс в социально-экономические предпосылки секуляризации. Мы привыкли рассматривать историю мысли как нечто оторванное от реальной жизни, хотя сами понимаем, что наша нынешняя интеллектуальная активность тысячами нитей связана с окружающей нас действительностью. Такова изначальная установка диссертанта, см. введение: «... при анализе дисциплинарных изменений в немецкой философии и теологии автор исходит из следующих принципов: указанные изменения, будучи надстроечными, с одной стороны, трактуются как следствие объективных социально-экономических процессов, а с другой, диалектически оказывают обратное влияние на социально-политическую действительность, усугубляя совершающиеся в германском обществе процессы секуляризации. Представляется, что попытка изолировать философские идеи от действительности, в которой они были порождены или рецитированы, гносеологически непродуктивна, особенно в случаях, когда изучаемые авторы не декларировали намерения дистанцироваться от общества (и немецкие философы-идеалисты, и протестантские теологи не только принимали активное участие в общественной жизни Германии, но и претендовали на статус ее идеологов и лидеров мнений). Следует отметить также, что религиозный сентиментализм и его религиоведческие теории-наследники, как и в целом либеральная теология, развиваются в широком русле буржуазного национализма. Как романтизаторы архаики, так и левые прогрессисты в их рядах отсутствуют. Однако, прямой корреляции между приверженностью сентиментализму/либеральной теологии и степенью политической правизны также не замечено» (стр. 26–27).

Объяснение контекста реальной жизни позволяет побороть напрашивающуюся иллюзию, будто теологи просто сидели и измышляли концепции исходя исключительно из личных предпочтений и кругозора. Всё описанное диссертантом было затеяно рассмотренными мыслителями так или иначе для того, чтобы спасти веру, спасти теологию, приведя её в то состояние, в котором она сможет отстоять своё поле от поглощения естествознанием.

Но спастись от такого поглощения можно лишь частичным перенятием у естествознания методологического инструментария и адаптацией собственной картины мира. Потому упор делается на интроспекцию. Кто-то скажет: тема интроспекции относится к истории психологии, и ей не место в теологической работе. Как бы не так! Без истории интроспективного метода нельзя понять в полной мере ни становления теологии современного вида, ни становления психологии религии.

Всеволод Валерьевич выстраивает обзор в виде своеобразного моста от текстов и идей позднего Просвещения к развитым формам специально-психологического экспериментального изучения религиозных переживаний. Он хорошо показывает на естественные ограничения при попытке устроить изучение религии: исторический материал расплывается и будто бы плавится в руках ученого, мешая однозначной систематизации, а попытка классифицировать религиозные чувства на основании

психологического эксперимента приводит к неконтролируемому умножению специфических конфигураций чувств до немыслимых пределов. Поэтому-то феноменология религии и осуществляет откат в сторону генерализаций. См. пассаж на стр. 177: «*дерзкое проектирование реконструкции первоначальной религии сменилось более философским, более проблематическим подходом, — эксплицитно выстроенных и сколько-нибудь широких историко-генетических конструкций мы в позднем творчестве Мюллера почти не находим. Очевидно, объем историко-культурного материала и сложность его плетения потребовали от Мюллера большей сдержанности, чем ожидалось им ранее».*

Конечно, диссертанту помогала сама изучаемая традиция: она очень рефлексивная. Трудность состоит в том, что рефлексия эта запрятана, ее надо отыскивать в море второсточников.

В качестве положений, выносимых на защиту, т.е. итогов исследования, диссертант выделяет следующие важные утверждения:

— «*Теологический импульс к религиоведению образован происходящей от Шлейермахера и набравшей популярность к середине XIX в. идеей обогащения и переосмыслиния протестантской теологии посредством знакомства с иными религиозными традициями. Важное значение при этом придается религиозному опыту, который иногда трактуется как совокупность индивидуальных переживаний, а иногда — как продукт толкования индивидуальных переживаний в общине, формирующий доктрину».*

— Обогащение сентиментализма «*данными востоковедения и генетическими моделями сравнительно-исторического языкоznания привело к появлению первых религиоведческих концепций, — Ф. М. Мюллера и К. П. Тиле. Их целью стало мировоззренчески непредвзятое изучение религиозности на базе конкретных древневосточных традиций».*

— «*В последней четверти XIX в. религиозный сентиментализм был переосмыслен в неокантианском контексте преимущественно теологами-ричианцами [...] Это создало предпосылки для психологического изучения религиозности как приверженности ценностям; неокантиански ориентированные теологи выдвигают первые проекты психологического знания о религии. Ричианец М. Райшле на основе дильтеевских идей разработал оригинальную концепцию эмпатии в отношении чужих религиозных чувств, в т.ч. чувств персоналий из Писания. Глубокий анализ религиозных чувств протестанта предпринял ричианец Г. Форбродт».*

— «*Теологи В. Штейн, К. Гиргензон, В. Грюн осуществили в 1910-20-х гг. экспериментальное изучение религиозных переживаний протестантов. Их убеждения демонстрируют возможность максимально исключить влияние личной религиозности на методологию исследования религии; притом, что предпринимается это исследование все же в теологических целях*» (см. цитаты на стр. 28–29).

Перед нами стройная картина теологических аспектов становления религиоведения. Для истории гуманитарного знания подобная реконструкция имеет серьезное значение.

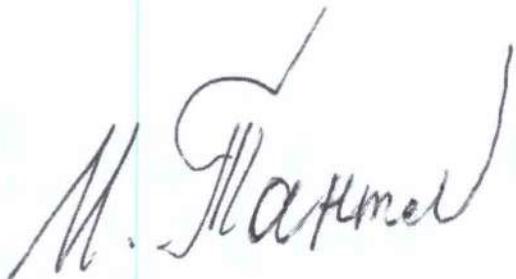
Подмечу, однако, и некоторые недостатки. Например, почему диссертант подробно не рассмотрел оригинальную попытку обосновать теологическую картину мира, предпринятую Виктором Ивановичем Несмеловым, профессором Казанской духовной академии, хотя и упомянул о ней? У Несмолова методологически продвинутая концепция,

о чём автор диссертации, кажется, и сам писал. Идеи Несмелова хорошо заплетены в немецкую традицию и имеют характерный для неё теоретико-познавательный крен; в чём-то Несмелов ближе к ней, чем современные ему французские авторы.

Также не до конца понятно, почему диссертант избежал подробного обсуждения темы интеллектуального созерцания, столь актуальной в контексте мистико-спекулятивной рецепции кантовских идей Фихте и Шеллингом в 1800-е годы.

Однако, критические стрелы, которые можно пускать в адрес любой работы, не меняют моего базового вердикта. Диссертация Золотухина Всеволода Валерьевича на тему: «Немецкоязычные учения XIX века о религиозном чувстве в контексте размежевания протестантской теологии и религиоведения» соответствует основным требованиям, установленным Приказом от 19.11.2021 № 11181/1 «О порядке присуждения ученых степеней в Санкт-Петербургском государственном университете», соискатель Золотухин Всеволод Валерьевич заслуживает присуждения ученой степени доктора теологии по научной специальности 5.11.2. Историческая теология (протестантизм). Нарушения пунктов 9 и 11 указанного Порядка в диссертации не установлены.

Член диссертационного совета
доктор философских наук, профессор
Тантлевский Игорь Романович

A handwritten signature in black ink, appearing to read "M. Fathel". The signature is fluid and cursive, with a prominent initial "M".

6 октября 2023 года